

РАБОТА ГОРЯ

РИТА ФЕНХЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рита Фенхель

Работа горя

«Автор»

2026

Фенхель Р.

Работа горя / Р. Фенхель — «Автор», 2026

Фёдор Птичкин — обычный таксист из умирающего городка под названием Серебрянка. Чтобы справиться с болью от потери семьи, мужчина давно уже ушел с головой в работу, при этом выстроив вокруг себя стену равнодушия. Но его хрупкий покой рушится, когда город охватывает волна необъяснимых событий. Ведь именно они заставляют Фёдора погрузиться в болезненные воспоминания, приводящие его к встрече с человеком, чувства к которому, казалось бы, давно угасли... А тем временем, на фоне личной драмы героя, Серебрянку накрывает массовая истерия. Журналист Аркадий Вестов, пытаясь сплотить жителей перед референдумом о смене статуса города, выпускает из «ящика Пандоры» многолетние страхи и недовольства людей. И теперь каждому предстоит сделать главный выбор: поддаться внешней панике или найти силы для борьбы... с хаосом внутри самого себя. «Работа горя» — это психологическая драма о том, как выйти из кромешной тьмы на свет, простить ошибки прошлого и научиться жить заново.

© Фенхель Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Шок	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Рита Фенхель

Работа горя

Глава первая. Шок

Шок (в психологии) — механизм защиты психики, который временно ограничивает доступ к чувствам, чтобы сохранить целостность. Это острая стрессовая реакция на внезапное, угрожающее или разрушительное событие, с которым невозможно справиться привычными способами.

За шесть лет до основных событий.

— А если это все-таки не он? Ведь может же быть такое, правда? — срывающимся голосом, то ли обращаясь к мужу, то ли сама к себе, уточнила Нина, нервно поправляя на запястье тонкий браслет.

Федя посмотрел на жену. В синеватом свете мигалки полицейской машины лицо женщины казалось совсем бледным, осунувшимся, восковым. Нина напряженно, чуть подавшись вперед, вглядывалась куда-то вдаль, словно пытаясь сквозь стены узреть то, что так сильно сейчас пугало и беспокоило ее. А еще супруга, скрестив дрожащие пальцы и поднеся их к губам, полушопотом твердила:

— Господи, пусть это все-таки будет не Витя. Кто угодно, но только не он.

«Это он» — пронзила мужчину ужасающая мысль. Хотя и до этого Федя понимал, что другой исход невозможен. Ведь в небольшом городке, где меньше двадцати тысяч жителей, любая новость на слуху. И если бы в течение поисков Вити пропал еще какой-нибудь мальчик, то все вокруг бы уже это обсуждали. Но нет. Ориентировки висели только на их с Ниной сына, поэтому...

Мужчина на секунду зажмурился, едва заметно, но все же помотал головой, словно отбрасывая лезущий туда бред. А потом открыл глаза, заглушил мотор и, резко распахнув дверцу автомобиля, коротко, немного хриловато, бросил все еще твердящей свою "молитву" жене:

— Пойдем.

Мокрый мелкий снег летел в лицо. Колкий. Обжигающий холодом. Заставляющий щуриться. И Феде казалось, что этой зернящейся темноте нет ни конца, ни края, хотя он и понимал, что идет вдоль здания Следственного комитета. Но в полшестого утра свет в кабинетах еще не горел. Поэтому, когда вдали размытым пятном замаячил тусклый фонарь, мужчина прибавил шаг, словно таким образом надеясь вынырнуть из творящегося в душе хаоса, созданного отчаяньем, тревогой и шаткой верой в чудо.

Нина плелась следом. Точнее, Федя вел жену за собой, крепко сжимая ее запястье. Возможно, даже слишком. Но женщина ни разу не отдернула руки, ни обмолвилась с мужем словом, да и вообще казалась абсолютно безвольной. Даже когда мужчина объяснял охраннику зачем они явились в морг. Даже когда они зашли в полутемное помещение с синими обшарпанными стенами. Даже когда судмедэксперт Дарья — давняя знакомая матери Феде — похлопала его по плечу и вполголоса заявила:

— Ну, ты это там... Короче... В общем, готовься...

Все это время Нина просто существовала. Где-то там, как тень, к которой человек привык и потому в обычной жизни не замечает ее присутствия. Но когда мужчина уже решился переступить порог помещения для опознания тела, жена внезапно попыталась высвободить руку, тем самым напоминая о себе. От неожиданности Федя резко обернулся и тут же разжал

пальцы, вопросительно глядя на женщину. Нина посмотрела в ответ на мужа с полнейшим ужасом и едва различимо выдохнула:

— Я не пойду. Я не могу, — а после прижала тонкие пальцы к дрожащим губам, словно только что изрекла нечто очень постыдное для себя, как для матери.

Но мужчина только понимающе кивнул. Вдохнув как можно глубже, он собрался с духом и, развернувшись, в одиночку зашел в помещение, где, как предполагалось, лежало тело Вити.

Полутемное пространство, казалось насквозь пропиталось запахом формалином. Он был не приторным, но удушающим. Проникающим в сознание. Липнувшим к коже. Пол, застеленный синем ленолиумом, не скользил, а словно плыл под ногами. Да и сама «комната» напоминала голубовато-серую пещеру изо льда, давящую, зажимающую со всех сторон. И даже темное окно напоминало не путь к спасению, а портал, за которым скопилась вся бездна отчаянья и безысходности Вселенной. Но до поистине иступляющего ужаса доводил стоящий в самом центре, под лампой, издающей какой-то электрический непрекращающийся тихий гул, металлический стол. А на нем лежало оно. Тело, под белой тканью напоминающее айсберг. Слишком чистый и слишком холодный.

Федя подошел медленно, едва дыша, пытаясь хоть изредка отводить взгляд на Дарью. А та лишь коротко уточнила:

— Ну что?

Мужчина кивнул, и судмедэксперт откинула верхнюю часть простыни.

Сына Федя узнал сразу. Трупные изменения были совсем незначительными, чтобы позволить мужчине хоть немного усомниться. Но все равно, глядя на несколько одутловатое, мраморное, испещренное синей сеточкой вен лицо мальчика, он не мог поверить в увиденное. Точнее, не хотел. Даже если до этого понимание неизбежного точило его сознание. Но все же какая-то жалкая, едва тлеющая, мизерная надежда была. Теперь же она окончательно исчезла, и на ее месте образовалась пустота, как огромная черная дыра, поглощающая все эмоции разом. Тело стало каменным. В ушах застыл какой-то тихий, но при этом оглушающий шум, усиленный звуком, исходящим от лампы. И мужчина едва нашел в себе силы, чтобы оторвать взгляд от Вити и перевести его на переживающую рядом Дарью.

Слов не нашлось, поэтому он вновь кивнул судмедэксперту и вышел из помещения. Правда, как сделал последнее, Федя до конца не осознал. Он пытался придумать каким образом сообщить обо всем Нине. Но в голове метались лишь обрывки фраз, и все они казались слишком мягкими, идиотскими и абсолютно бессмысленными. И потому мужчина даже на секунду ощутил некое облегчение, когда жена, взглянув на него, все поняла сама.

Медленно сползая вниз по стене, женщина обхватила голову руками и, упершись лбом в колени, заскулила. Точь-в-точь как загнанная в угол клетки лисица, которая не знает, что ей делать: то ли нападать, то ли смириться с неминуемой гибелью. И Федя хотел было подойти к супруге, опуститься рядом и приобнять за плечи. Но сил у него хватило только на то, чтобы прислониться к стене спиной, запрокинуть голову вверх и зажмуриться. Мужчина понимал, что сейчас обязан собраться и не давать волю чувствам, ведь впереди еще столько всего предстояло. А кто еще будет в состоянии что-то делать, если он раскиснет? Поэтому Федя глубоко вдохнул, открыл глаза и уже собирался попытаться успокоить жену.

Но та внезапно подняла голову и, насторожившись, замерла. Всего пару секунд хватило, чтобы гримаса страдания на Нинином лице сменилась неподдельной яростью. А сама женщина, резко вскочив на ноги, куда-то метнулась, процедив сквозь зубы:

— Сука, да как она посмела...

Федя, все так же пребывая в каком-то немного звенящем оцепенении, только и смог, что обескураженно проследить за женой взглядом. А Нина тем временем, пробежав по узкому полутемному длинному коридору с низковатым потолком несколько метров, почти к самому

началу от выхода, схватила за куртку спешащую навстречу женщину и, развернувшись, едва не впечатала ту в стену:

— Кто тебе сказал, кто? — едва ли не задыхаясь, закричала она перед самым лицом сестры, остервенело вцепившись в ее плечи и все сильнее прижимая к шербоатой неровно выкрашенной поверхности, словно пытаясь насмерть впечатать в нее женщину. Но та лишь молча смотрела стеклянным взглядом, как будто сквозь Нину. И это, кажется, только еще сильнее раззадоривало ее, — Кто, я спрашиваю, черт возьми?! — но вдруг женщина осеклась, выпрямила спину, медленно повернула голову и с ехидной усмешкой уточнила у мужа. — Ты? Это сделал ты, верно?

Ошарашенный происходящим, Федя даже сначала не понял, что вопрос адресован ему. А когда же до мужчины это дошло и он уже открыл рот, чтобы начать оправдываться, то Мила опередила его:

— Мама сказала.

— А ты и рада была услышать, правда? — переключила свое внимание обратно на сестру Нина. — Вон как спешила посмотреть на мое горе. Да, это Витя! Слышишь, это он! Можешь ликовать!

Мила только и успела тихо выдохнуть:

— Я не...

Но в эту же секунду Нина саданула кулаком в стену буквально в паре сантиметров от лица старшей сестры.

— Заткнись, тварь! Стоит она тут, смотрит на меня словно ничего не произошло. Овца невинная, да ты же специально все это подстроила. Хотела мне отомстить! — до хрипоты орала женщина, при этом сопровождая каждую фразу ударом.

Но Мила даже не вздрагивала, когда кулак сестры, казалось бы, вот-вот прилетит ей в скулу. Напротив, женщина вытянувшись по струнке смиренно и чуть приподняв подбородок, почти не моргая смотрела на Нину. А та никак не унималась. Хотя, наверное, уже посбивала себе все костяшки:

— Убью, гнида! — в конце концов прошипела женщина и, влепив Миле пощечину, уже хотела схватить сестру за горло, но не успела.

— Это что тут происходит? — выкрикнула выбежавшая на шум судмедэксперт.

И Федя вздрогнул, словно бы приходя в себя. А ведь до этого момента мужчине казалось, что все представшее перед его глазами — нереально. Дешевый остросюжетный фильм, который он никак не мог перестать смотреть, потому что находился «по другую сторону экрана». При этом совсем без чувств, а, значит, и без реакции на них.

Нина же тем временем отшатнулась на пару шагов назад, опустила плечи, закрыла лицо руками и разрыдалась:

— Я просто... Не специально... Эта... — всхлипывая, попыталась объяснить она подошедшей к ней Дарье. — Не сдержалась... Витя... Извините меня...

Судмедэксперт приобняла женщину за плечи и успокаивающе проговорила:

— Все хорошо, девочка, я все понимаю. Пойдем я накапаю тебе валерьянки.

— Извините, пожалуйста, еще раз, что не сдержалась, — отняв руки от пылающих и почти сухих щек, затараторила Нина, едва ли не заглядывая при этом в глаза уводящей ее женщине, — Просто я уверена, что это моя сестра во всем виновата, Понимаете, она...

Нина прошла мимо мужа словно не замечая его присутствия. Зато мужчина проводил супругу обескураженным взглядом, а потом перевел его на Милу. Та стояла прислонившись виском к стене. На бледной щеке красовался яркий след от ладони, но женщина даже не коснулась его. Она лишь вцепилась в синий шарф пальцами левой руки и судорожно вдохнула. А после подняла светло-голубые глаза и посмотрела на Федю. И только когда их взгляды встретились, мужчина как-то инстинктивно сделал шаг вперед, сам не понимая почему.

Но в этот же миг Мила "ожил". Она отшатнулась назад, прошептала «Прости» и прикусив костяшку указательного пальца правой руки, развернувшись, едва не выбежала из здания морга.

Наши дни

Федя проснулся и уставился в потолок, пытаясь осознать где он и когда. Комната была погружена в темноту ясной январской ночи, оттого сознание его никак не могло переключиться. Перед глазами простирался темный потолок, на котором пролегли два бледно-лимонного цвета прямоугольника. Это свет от луны падал в окно, скользя по небольшой люстре. Плафоны, сделанные в форме цветка, то частично позволяли ему это сделать, то продолжали тонуть в ночной патоке. И мужчина, возвращаясь в воспоминания ни то сна, ни то прошлого, до конца не мог понять, насколько реально все то, что происходит сейчас.

«А может, и не было ничего? Может это на самом деле лишь кошмар? И вот сейчас он наконец-то закончился», — промелькнула в его голове шальная мысль. И Федя даже на секунду малодушно в нее поверил. Но, сев в кровати и осмотревшись по сторонам, мужчина осознал: «Нет. Было. Шесть лет назад. И ничего уже не изменить».

Глубоко вздохнув и опять ощутив подкативший к горлу нервный комок, Федя провел ладонью по лицу. А потом взял телефон и посмотрел на время. Четыре тридцать утра.

Поняв, что смысла пытаться уснуть вновь нет, мужчина поднялся и побрел в ванную. Там Федя взглянул на свое отражение. Из зеркала на него смотрел высокий, светло-русый, кареглазый уставший от жизни тридцатисемилетний мужчина нордической внешности. Хмуро оценив свой вид не в лучшем свете, Федя саркастично хмыкнул и задумался на минуту бриться ему сегодня или все-таки нет. Но, в итоге, опять махнув на это дело рукой, принялся собираться на работу. Правда, как-то по инерции. По инерции оделся, по инерции вместо завтрака выпил чашку кофе, по инерции пожалел, что бросил курить. Даже с пятого этажа, ругаясь на снова неработающий лифт, спустился по инерции. А все потому, что мысли мужчины были где-то там, в морге при Следственном комитете. И перед глазами еще стояло мертвое лицо Вити.

Вернулся в сейчас Федя лишь тогда, когда, выходя из подъезда, едва не поскользнулся:

— Твою мать, — выругался он, оценивая состояние пути от двери до своего автомобиля. — Когда же эти придурки из управляющей работать начнут?

Вопрос, конечно же, был риторическим, но чтобы вновь не выпасть из реальности в свои воспоминания, мужчина огляделся по сторонам.

В свете помаргивающего фонаря пред ним предстало всё послепраздничное великолепие. Обертки от конфет, мандариновые шкурки и упаковки от салютов цвели на сугробах бурным цветом. В паре метров от лавочки с мусоркой валялись осколки зеленого стекла и, конечно же, окурки. На входе детской площадки какие-то дурни соорудили холмик и, повтыкав туда пивные бутылки, остроумно подписали «Ёжик». Желтым по белому, само собой.

Федя осуждающе покачал головой, но что он-то мог со всем этим поделать? Вообще район, именуемый «Старые гаражи», считался одним из неблагополучных в городе. Хотя таким он был не всегда. По рассказам Светланы Сергеевны — матери мужчины — во времена Советского Союза жилищный кооператив еще не был старым и гордо назывался «Гаражным». Здесь селили в основном людей рабочего класса. Трудяг, так сказать. Но отцу Феде квартира досталась в связи с раскрытием какого-то громкого преступления. И в те годы это считалось роскошным подарком, ведь только недавно выстроенный «Гаражный» являлся едва ли не самым элитным, после центра города, районом.

Поэтому, чтобы поддерживать такой высокий статус, каждые выходные жильцы домов собирались на субботники. Красили бордюры, сажали цветы, ремонтировали лавочки. И даже маленький Федя, — опять же по уверениям матери, — помогал им по мере своих сил. Сам-то мужчина этого как ни старался, припомнить не мог, ведь ему было всего три года, когда Советский Союз распался.

И на смену ему пришли "лихие девяностые". И все закрутилось, завертелось. Стало как-то не до... Всего. В итоге, от светлого «Гаражного» только и осталось, что изуродованное название и старый полуразрушенный гаражный кооператив на его окраине, за которым начинался лес. И всех все устраивало. А зачем делать лучше, если теперь «Старые гаражи», в большинстве своем, населяли урки, гопари и наркоманы? Федя даже как-то предлагал матери продать квартиру и переехать в более благополучный район. Но женщина категорично заявила, что покинет свой дом только ногами вперед. В принципе, так и получилось...

Стараясь не думать об этом, мужчина принялся спускаться по покрытым наледью ступенькам, пытаясь при этом не вляпаться в полупереваренное содержимое чьего-то желудка. Да и вообще, до автомобиля ему пришлось идти с особой осторожностью: невесть что могло прятаться под покровом выпавшего за ночь снега. Пару раз все-таки поскользнувшись, но удержав равновесия, Федя наконец-то добрался до машины. Открыв дверцу и сев на водительское сидение, он взглянул на время. Было всего пять пятнадцать утра.

В шесть тридцать мужчина должен был быть возле набережной. Ведь еще с вечера договорился о том, что довезет до редакции местную звезду журналистики — Аркадия Вестова. А до его дома ехать предстояло примерно минут двадцать и то, если собрать на пути пару пробок. Еще меньше до редакции. И потому выходило, что Феде разумнее было сейчас направиться в таксопарк, открыть путевку, выпить еще кофе и уже после выдвинуться за Аркадием. Так мужчина и решил сделать. К тому же репортер местной газеты имел дурную привычку опаздывать минут так на десять. И тут уже ничего нельзя было поделывать - творческая натура. Потому Федя с чистой совестью, зная, что торопиться ему особо некуда, выехал со двора и направился на привокзальную площадь.

На самом деле всю Серебрянку можно было объехать на машине примерно за полтора часа. Ну, если еще брать в расчет узкие улочки, переплетающиеся между собой, на которых в час пик движение становилось чуть затруднительнее, то два. Федя, конечно, не засекал, но приблизительно рассчитать мог, ведь он знал родной город как свои пять пальцев. Только не то, чтобы шибко его любил. В Серебрянке вообще мало что радовало глаз. По крайней мере сейчас.

Конечно, здесь, как и в любом другом маленьком городке, имелись свои атмосфера, история, достопримечательности, тайны. Да даже особое, неторопливое, присущее только Серебрянки течение времени, если это можно было так назвать. Но ключевым во всем этом являлось именно "имелись". Когда-то. Лет эдак двадцать назад. А потом постепенно начали закрываться и без того немногочисленные фабрики и заводы. И когда восемь лет назад прекратил свою работу Литейный, директором которого был ныне покойный тесть Феде, время в Серебрянке словно бы окончательно остановилось. Правда, ненадолго. Всего на год. И снова пошло, только уже не вперед, а, как казалось, будто бы вспять.

Сначала это было почти незаметно. Но потом масштаб разрушений начал увеличиваться. Даже нынешний мэр города — Михаил Волков, — человек, полный идей, молодой и деятельный, не мог остановить этот процесс. Он затеял стройку нового района, но та до сих пор никак не могла закончиться, раз пять уже побывав в статусе "заморозки". Принялся реставрировать особняк Воронцовых. Кстати единственное здание сохранившееся, в городе чуть ли не со времен основания и самую загадочную достопримечательность — только и там что-то пошло не так. В общем, Волков хватался делать одно, но, мало того, что в силу обстоятельств не мог довести начатое до конца, так еще в это же время выходило из строя что-нибудь другое. Словно Серебрянка была против, но не новаторства, а вообще какого-либо вмешательства.

Ситуацию усугублял и сильный отток жителей. За последние десять лет из города уехало около половины его населения. А приезжие не задерживались здесь и больше года.

«Мистика», — подумал бы Федя, если бы, как большинство серебрянцев, верил в подобную ересь. Но мужчина был рационалистом, потому единственное, что в очередной раз пришло ему в голову — это закономерное определение: «Деградация городской среды».

— Ну, бывает и так, — как-то немного безразлично хмыкнул Федя, паркуясь возле таксопарка.

Он вообще последние пять лет относился если не ко всему, то ко многому, равнодушно. Даже к работе, которая изначально приходилась мужчине не совсем по нраву. Но уйти в таксисты он был вынужден из-за болезни жены.

За пять лет до основных событий

Майское вечернее солнце заливало половину комнаты оранжевым светом, «растекаясь» по смежной с окном стене. Тонкий тюль чуть колыхался от прохладных порывов ветра. Пахло сиренью. Федя стоял у распахнутой настежь створки окна и смотрел, как по безоблачному голубовато-синему небу снуют ласточки. Черные юркие птички то отлетали от своих гнезд, свитых под крышей девятиэтажки, то возвращались к ним, звонко щебеча. И этот щебет словно бы волнами набегал на звуки, доносящиеся снизу: скрип качелей, детский смех, шелест листвы деревьев, растущих возле дома. Казалось, что все вокруг дышало, жило, окутывалось ласковым дыханием весны. И на фоне этого мысли мужчины казались ему еще тягостнее и мрачнее.

Завтра был последний день платы за аренду. А через неделю начинался курс экспериментального лечения. И хоть Федя прекрасно знал, что жене это не поможет, но все равно никак не мог решиться сообщить ей подобное. Да и разве Нина бы восприняла адекватно что-то вроде такого: «При третьей стадии Перстневидноклеточного рака желудка выживает не более тридцати семи процентов пациентов, поэтому, дорогая, я думаю, что ты будешь проходить стандартное лечение, а там как повезет. Ну ведь не могу же я закрыть свой кабинет, пока являюсь единственным практикующим частным психологом в городе»? Так поступить для Феде было бы, по крайней мере, подло. Но, с другой стороны, на кону стояло дело всей его жизни. Мужчина мог бы, конечно, перейти работать в НИИ психологии, чтобы не терять квалификацию. Только тогда бы график работы стал значительно неудобнее, потому что как сейчас отменить или перенести сеанс бы не вышло. А возить жену в областной город кроме Феде было некому. Вот и выходило, что перед мужчиной возникла ситуация наподобие шахматной вилки. И времени, чтобы принять решение, оставалось все меньше.

— Федь, ну я же просила, — донесся до него недовольный голос Нины.

Мужчина вопросительно посмотрел на супругу. Та сидела в кресле укрытая шалью покойной свекрови, и рассматривала свое отражение в настольном зеркальце. На некогда красивом лице женщины теперь словно бы застыла восковая маска, которая возникает обычно, когда человек убит горем или смертельно болен. Сама же Нина бледная, похудевшая килограмм на десять, с пролеглими синяками под и без того большими темно-зелеными глазами, походила скорее на готическую куклу, облаченную в красивый оливкового цвета шелковый халат. Но никак не на живого человека. И женщина, сама понимая это, раздражалась порой даже от одного взгляда. Поэтому Федя старался как можно реже смотреть на жену. Хотя была еще и вторая причина: каждый раз мужчина все сильнее чувствовал жалость, перерастающую в ненависть к самому себе за бессилие. И сейчас ощутив, что его вот-вот накроет эмоциями, Федя уж было хотел вновь уставиться в окно, но Нина внезапно проговорила:

— Нет, ты издеваешься или что?

— Прости? — откровенно не понимая о чем идет речь, удивленно произнес мужчина.

— Не кури в квартире!

Федя озадаченно посмотрел на сигарету, которую сам не помнил как достал из пачки, и, задушив об карниз, выбросил ее от греха подальше, чтобы еще больше не бесить жену. Но Нина, кажется, опять искала повод выплеснуть негатив, потому что продолжила наседать:

— И вообще, ты, кажется, обещал мне бросить. Причем лет десять назад, — хмыкнула она, приглаживая и рассматривая со всех сторон примеряемый новый парик, который по цвету напоминал ее естественный каштановый цвет волос. Хотя пряди его были прямыми и доходили до плеч, в отличие от прически супруги до химиотерапии. И судя по всему, это как минимум удручало женщину, потому что она поджала губы, вздохнула и, взглянув на мужа, поинтересовалась. — Ну как?

Понимая, что чтобы он сейчас ни сказал, все будет не так и не то, Федя все же, как можно непринужденной попытался приободрить женщину:

— Ты у меня всегда красивая.

Но это не слишком-то сработало.

— Врешь, — едва не швырнув на стол зеркало, зло прошипела Нина, — Я страшная, я изъеята этой чёртовой болезнью, я... — она закрыла лицо руками и, помолчав несколько секунд, внезапно запрокинула голову, истерично расхохотавшись, — Слушай, а когда я умру, ты сразу к ней побежишь или хотя бы немного поизображаешь убитого горем вдовца?

Мужчина тяжело вздохнул. У Феде больше не осталось сил даже сбежать от этих приступов ревности жены. Поэтому он просто продолжал молча смотреть на Нину. А та просмеявшись, нервно поежилась и, комкая в руках шаль, тихо спросила:

— Скажи, только честно. Ты меня любил? Ну хоть когда-нибудь, хоть немного.

Этот вопрос жены заставил сердце мужчины екнуть. Но не от нахлынувшей нежности. А от жалости, перетекающей в чувство стыда, которое, казалось, разлилось по телу неприятной, обжигающей волной. И чтобы не утонуть в нарастающих ощущениях, Федя подошел к женщине, присел перед ней на корточки и взял за руку. Глядя Нине в глаза, он произнес как можно убаюкивающе, стараясь при этом сохранять внутреннее спокойствие:

— Не знаю, почему ты вечно надумываешь себе всякую ерунду, но я любил и люблю тебя, — и мужчина даже сам поверил в свои слова. Потому что сейчас это было необходимо.

Федя понимал, что самообман — не самая лучшая вещь на свете. Но, увы, только он помогал в том, чтобы до конца не разочароваться в себе. И, пытаясь ухватиться за это внушение, как за спасательный круг, чтобы никому не было больно, мужчина принялся возрождать в памяти самые теплые моменты из их с Ниной семейной жизни:

— А помнишь, как ты первый раз решила приготовить блины?

— О Боже, нет. Это лучше не вспоминать, — стыдливо буркнула женщина, закрывая лицо руками, — Ужасный вышел сюрприз.

— Ну, ремонт же на кухне делать не пришлось.

— Зато пришлось покупать новую сковородку. Я тогда так боялась, что Светлана Сергеевна узнает. Даже не смотря на то, что ты успел найти новую и выдать ее за ту, что я испортила.

— Знаешь, мне кажется, мама все-таки обо всем догадалась, — глядя тонкие пальцы жены, со светлой грустью улыбнулся Федя.

Нина же, погрузившись в свои воспоминания, кажется, даже ожила. Глаза ее приобрели задорный блеск. Щеки слегка порозовели. И женщина, расправив плечи, с неким озорством в голосе подытожила:

— Да однозначно догадалась. Не зря же потом устроила мне двухнедельный мастер-класс по готовке. А помнишь еще, как нам на УЗИ сказали, что будет девочка, и меня прямо замкнуло на розовом цвете.

— Конечно, мы тогда чуть до развода не доругались с выбором обоев для детской.

— Господи, как же это глупо было с моей стороны, — искренне рассмеялась Нина. — А ты молодец, хоть и тайком, но все же взял еще и белые.

— Да я просто знал, что рано или поздно тебя отпустит, и ты заставишь меня все переклеивать. Ты же розовый цвет ненавидишь.

— Точно. С момента, как... — но тут женщина осеклась и чуть боязливо, но бережно провела дрогнувшими пальцами по его волосам. От, пусть и на секунду, но мелькнувшей во взгляде жены нежности, Федя инстинктивно взял ее за руку и поцеловал холодную ладонь. А Нина улыгнувшись этому жесту мужчины в ответ, ласково проговорила, — Какой ты у меня замечательный, — но уже в следующую секунду закусила губу и сдерживаясь, чтобы не опустить глаз, добавила — Прости меня.

Чувствуя какую-то несостыковку в поведение жены, но при этом не понимая в чем дело, Федя нелепо уточнил:

— За что?

Но женщина не ответила, едва заметно качнув головой, и, внезапно обняв мужа, уткнулась лбом в его плечо, признаваясь:

— Федь, мне страшно, — голос ее стал выше, пронзительнее. Он словно бы звенел отчаянием. — Мне так страшно, что порой я не могу уснуть. Лежу и думаю, думаю, думаю... И представляю как это — перестать жить. Просто взять в секунду и исчезнуть навсегда. Не открыть глаза, не вдохнуть. Хотя, наверное, тогда уже осознавать такое будет нечем и незачем. Но сейчас, сейчас-то мне не все равно. И потому, наверное, от подобных мыслей слишком дико, ужащающе и до озноба больно. И вдвойне тяжелее, когда во всем происходящем, внезапно осознаешь: не так, столько всего было сделано не так. А на так, увы, больше нет ни времени, ни сил. Я умру, я это знаю, просто... Принять неизбежность сложнее, чем оказаться в ней.

Последние пару фраз женщина произнесла уже с каким-то обречённым спокойствием, от чего Феде стало не по себе. До ноющей тревоги в груди. До секундной невозможности вдохнуть. И опасаясь упасть в бездонное озеро собственной боли, мужчина прижал Нину к себе, вдыхая запах пудры и лекарства, исходящей от ее щеки:

— Все будет хорошо, слышишь? Даже не смей думать иначе.

Наши дни

Федя вынырнул из воспоминания среди тесной, душной, шумной диспетчерской таксопарка. Аккурат в паре шагах от кофемашины, со стаканчиком вечно тошнотворно-горчащей жижи в руках. Запах пота, дешевого парфюма и пачули, исходящего от аромалочки, зажженной диспетчершей Наденькой, вызывал неприятное першение в горле и слезливость глаз. Вокруг гудел пчелиный рой таксистов. По помещению гулял сквозняк от вечно открывающейся людьми двери. И все это жило слишком сплочённо, слишком хаотично. Низменно. Наигранный, наполненный флиртом смех Наденьки резанул по ушам ровно в тот момент, когда один из коллег хлопнул Федю по плечу:

— Птичкин, у тебя телефон звонит, — сообщил Макс.

Мужчина озадаченно посмотрел на таксиста, окончательно пытаясь вырваться из плена своих раздумий и потому, не до конца понимая, что тот от него хочет:

— Чего?

— Телефон, говорю, звонит, — повторил в ответ Макс и, прежде, чем отхлебнуть кофе из пластикового стаканчика, пробубнил, — Спал бы по ночам, чтобы не тупить, что ли.

Веселов выдал это не со злобой, скорее задумчиво и, как показалось Феде, немного о себе. Но мужчина не стал углубляться в размышления об этом, а просто ответил на вызов:

— Да, Аркаш. Ну раз надо, то съездим. Только учти: у кладбища я тебя ждать не буду, а так — без проблем. Ну, все тогда, договорились.

После этих слов Федя вздохнул и, поймав проходящую мимо коллегу Олю, спросил у нее:

— Братан, чего-нибудь по табаку есть?

— Ты же бросил, — усмехнулась женщина, но пачку из кармана — таки достала.

— Бросишь тут к чертовой матери, ага, — буркнул себе под нос Птичкин и, взяв пару сигарет, направился к выходу из таксопарка.

Первым делом, равнодушно не придерживав хлопнувшую за его спиной дверь, мужчина достал зажигалку и щелкнул ей. Затянулся. Взглянул на луну, вот-вот грозящуюся вновь спрятаться за тучу. Тряхнул головой, чтобы скинуть остатки сонливости, и отпив из стаканчика кофе, направился в сторону своего автомобиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.